

ЕКАТЕРИНА
СВЕТ

ТАНЯ
БЕЛКОВА

МОЙ РЕАНИМАТОЛОГ

КРЫЛЬЯ СПАСЕНИЯ

Таня Белкова

**Мой реаниматолог.
Крылья спасения**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой реаниматолог. Крылья спасения / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

В Москве меня сделали виновной в чужой аварии. В Заполярье ждут, когда я снова ошибусь. Но после взрыва на буровой троим рабочим нужна помощь, а начальник авиаузла запрещает вылет. Я поднимаю вертолёт в буран — вместе с Макаром Летовым, реаниматологом, который сперва спрашивает, не брошу ли я штурвал, а потом закрывает меня собой. Он спасает людей в воздухе и отогревает мои ледяные руки на земле. Рядом с ним мне впервые хочется не только выжить, но и довериться. Только отказ двигателя — не случайность. На базе крадут топливо, и наша находка опаснее любого шторма. Теперь на кону жизни экипажа, моё честное имя и мужчина, которого я боюсь потерять.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Свет

Мой реаниматолог. Крылья спасения

Мой реаниматолог. Крылья спасения

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава 1

Полярная ночь за окнами диспетчерской давила на двойные рамы свинцовой, воющей массой. Термометр застыл на отметке минус тридцать восемь, но при ветре в двадцать шесть метров в секунду этот мороз ощущался как лезвие, сдирающее кожу. В помещении дежурки пахло озоном от перегретых радиостанций и остывшим растворимым кофе.

Я стояла у штурманского стола в синем комбинезоне на овчине, сжимая кожаный планшет. Три недели на этом заполярном авиаузле научили меня главному: здесь никому нет дела до моих трех тысяч часов безаварийного налета и столичных регалий пилота первого класса. После того как в Москве заместитель начальника управления Росавиации Сергей Владимирович Ковалёв попытался свалить на меня крушение ведомственного борта, за мной тянулся шлейф шепотков: «столичная штучка», «ошибется на первом же торосе».

Вой сирены аварийного оповещения разорвал дребезжащую тишину базы в ноль одиннадцать. Красная лампа над селектором замигала судорожными толчками.

— Авария на буровой платформе «Северный факел-4», — глухо произнесла старший диспетчер Анна Сергеевна Воропаева, не отрываясь от телетайпа. — Сто восемьдесят километров в Карское море. Взрыв газового коллектора, открытый факел. Трое рабочих в критическом состоянии: тяжелейшие ожоги, баротравма. Нужна срочная санбригада.

Я шагнула к столу:

— Аня, подписывай полетный лист. Борт ноль седьмой готов, прогрев завершен.

Диспетчер потянулась за штампом, но динамик селектора захлебнулся визгливым лаем. Начальник авиаузла Багров вышел на связь из своего кабинета:

— Северова, отставить! По метеоусловиям порт закрыт до утра! Сунешься к вертолету — спишу на землю по статье за самоуправство!

Я придвинула микрофон к губам. Голос звучал сухо и ровно:

— Геннадий Петрович, статья пятьдесят восемь Воздушного кодекса дает командиру судна исключительное право принимать окончательное решение о вылете для спасения жизней. Зафиксируйте в журнале ваш официальный отказ при наличии трех погибающих людей. Под мою личную уголовную ответственность.

В динамике раздался сиплый вдох — Багров явно не ждал такого отпора. Он с грохотом швырнул трубку. Анна быстро припечатала гербовый штамп к бланку и придвинула его мне:

— Курс тридцать пять. Спаси их, Вася.

На пульте замигал желтый транспарант: шквал оборвал внешний кабель датчика на метеомачте. Вылет вслепую при ураганном шквале грозил верной гибелью.

— Ждать связи некогда, — я застегнула воротник, достала механический анемометр АСО-3 и толкнула дверь аварийного выхода.

Шквал встретил меня сокрушительным ударом в грудь. Я поднялась по обледенелым железным ступеням на открытую технологическую вышку над третьим ангаром. На высоте пятнадцати метров ветер был в переплетениях ферм, как реактивная струя. Я вытянула руку с прибором над ограждением, освободив арретир. Черные чашечки закрутились в сплошной мутный диск. Стрелка легла на двадцать восемь метров в секунду. Жестоко, на грани РЛЭ, но порыв шел строго по оси полосы. Был шанс оторваться на встречном потоке без бокового сноса.

Внизу скрипнули ступени. Сквозь снежную круговерть поднялась высокая фигура в распахнутом овчинном полушубке. На площадку шагнул Макар Андреевич Летов — старший

врач реанимационной бригады. Огромный, широкоплечий, с обветренным лицом и тяжелым взглядом серых глаз. За его спиной висел массивный ранец реаниматора.

— Мне сказали, на вылет ставят новенькую из Москвы, — его голос легко пробивал ураган. — Скажи прямо, командир: в воздухе не бросишь штурвал, когда начнет крутить? У меня там три трупа будет, если не взлетим через десять минут.

Я подошла к нему вплотную и снизу вверх заглянула прямо в его стальные глаза:

— Доктор Летов, держите своих больных и следите за капельницами. А вертолет я донесу до точки, даже если от него останется один несущий винт. По местам.

Макар задержал взгляд на моем лице. Взгляд его оставался непоколебимо спокойным, в чертах лица читалась железная собранность. Он коротко кивнул:

— Понял. Работаем.

Мы скатились вниз по трапу и вбежали в теплую предстартовую кабину. Я склонилась над картой, внося поправку давления QFE в полетный лист. И в этот миг щитовая за спиной диспетчера затрещала.

Сухой щелчок автомата — и свет погас. Тепловые пушки на полосе перегрузили сеть. Внешнее питание двадцать семь вольт отключилось, экраны ослепли.

— Рубильник выбило! — крикнула Анна.

— Степаныч, прием! — я выдернула из кармана рацию «Бриз». — База обесточена! Переходим на бортовые аккумуляторы ноль седьмого! Подкачка топлива ручным насосом НР-01, запуск ВСУ от батарей!

— Понял тебя, командир, кручу! — отозвался в динамике хриплый голос нашего борт-механика Николая Степановича Морозова, которого весь авиаузел уважительно звал просто Степанычем.

Я выскочила в штормовой шлюз. У бронированных створок стоял начальник охраны базы со стальным ломом в руках — Багров успел передать приказ.

— Назад, Северова! Выезд закрыт!

Не тратя времени на пререкания, я взлетела по приставному трапу в левую командирскую чашку Ми-8МТВ. Пальцы щелкнули тумблерами бортовых аккумуляторов. Стрелки приборов ожили во тьме мягким изумрудным светом. Запуск ВСУ АИ-9В — нарастающий гул в хвосте. Запуск левого, запуск правого! Винты тяжело стронулись с места, рассекая морозный воздух.

Степаныч захлопнул сдвижную дверь и просунул голову в кабину:

— Командир, на фильтре тонкой очистки восемь-дэ-два при дренаже какая-то муть пошла... Белесая, будто парафин.

— В воздухе разберемся, держи контроль давления! — я потянула шаг-газ на три градуса вверх.

Пятилопастный несущий винт обрушил вниз колоссальную ураганную струю. Поток спутного воздуха ударил прямо в створки шлюза. Полуприкрытые металлические ворота с грохотом распахнуло настежь, лом вырвало из рук охранника, а его самого отбросило в сугроб.

Колеса покатались по обледенелому бетону. Боковой порыв в двадцать восемь метров ударил в левый борт, пытаясь свалить машину на правое колесо. Левая педаль — до упора! Ручку циклического шага — на ветер! Общий шаг — на взлетный! Турбины ТВ3-117 взвыли

на пределе мощности, стойки распрямились, и вертолет, сорвав снежный вихрь с полосы, вертикально врезался в черное полярное небо.

* * *

На высоте ста пятидесяти метров нас накрыла абсолютная мгла. За триплексами пилотской кабины клубилась плотная снежная стена.

Каждые тридцать секунд машину швыряло воздушными ударами. Радиовысотомер скакал: триста метров, двести пятьдесят, внезапный провал в нисходящий поток — сто двадцать! Внизу, в черной ледяной каше Карского моря, ворочались трехметровые торосы. Пальцы в перчатках свело от постоянного парирования ручкой управления: малейшее запаздывание — и несущий винт перейдет на критические углы атаки.

Стрелка автоматического радиокompаса АРК-15 внезапно дернулась вправо и закрутилась бессмысленным волчком. Горящий факел буровой создавал мощную термоионизацию, а стальные металлоконструкции экранировали сигнал.

— Потеря привода! — крикнул Степаных.

— Перехожу на визуальное счисление, — я щелкнула тумблером. — Секундомер на панели, держим расчетный пеленг.

Ближе к концу перелета чернота впереди подернулась багровым заревом. Сквозь клочья метели проступил колоссальный огненный столб: аварийный факел буровой «Северный факел-4» ревел на тридцать метров в небо. Перепад температур вокруг платформы был чудовищным — от минус тридцати пяти до плюс восьмидесяти. Воздух закручивался в гигантский термический смерч.

— Площадка под факелом! — крикнул Макар, появившись в проеме кабины. — На решетке трое на носилках, их заносит снегом!

Посадочная палуба представляла собой скользкий металлический квадрат тридцать на тридцать метров над океанской бездной. Столб огня создавал восходящий поток, который буквально выталкивал вертолет вверх, а снизу били ледяные шквалы. Заходить по стандарту с кормы означало потерять управляемость и рухнуть в открытое море.

— Держитесь за поручни! — скомандовала я.

Я заложила глубокий скользящий вираж с наветренной стороны по косой нисходящей траектории, срезая верхушку теплового вихря правым бортом. Несущий винт завибрировал с низким басовым гулом. Встречный ветер сбил жар пламени, и я бросила вертолет вниз, в пяти метрах над палубой зафиксировав висение.

Платформа качалась на штормовой зыби с размахом в два метра. Я выждала гребень волны, поймала верхнюю мертвую точку подъема и мягко сбросила шаг. Колеса коснулись обледенелой решетки без удара. Машина встала на прижим винтом.

Сдвижная дверь распахнулась. Ветер ворвался внутрь ледяным ревом.

— Витя, носилки! — крикнул Макар молодому фельдшеру Виктору Соколову, выпрыгивая на настил.

И тут снизу донесся страшный скрежет разрываемого железа. Огромный блуждающий торос врезался в опору буровой. Правую стальную растяжку вертолетной палубы срезало. Металлическая площадка прямо под правым колесом нашего вертолета накренилась на пятнадцать градусов и начала сползать в черную кипящую пену!

Правая стойка шасси потеряла опору. Лопасты едва не задели центральную ферму вышки.

Макар среагировал мгновенно. Вместо того чтобы бежать в укрытие, он бросился к швартовочному канату. Схватив тяжелый стальной трос с полупудовым гаком, он по обледенелой

балке рванул к несущему пилону. Ноги скользили над тридцатиметровой пропастью. В отчаянном рывке он захлестнул как вокруг силового узла, завел свободный конец в ручной храповик настила и навалился на рычаг всем своим стокилограммовым весом.

— Василиса, держи шаг! — донесся его яростный рев сквозь ураган. — Я держу палубу!

Мышцы на его шее вздулись, трос натянулся, зазвенел, сдирая ржавчину, и перекося площадки остановился. Он держал палубу собственным весом, пока фельдшер Витя и двое выживших рабочих волокли по аварийному трапу первых двух пострадавших. Один из них — седой старейшина поморского промысла, старший мастер буровой Михаил Петрович Прохоров — сжимал зубы от перелома ребер, но упрямо кивал нам, указывая на компрессорную.

Оставался третий — двадцатидвухлетний буровик Алексей Егоров с тяжелыми ожогами лица и перебитыми ногами. Взрывная волна перекрутила железные перила, зажав его носилки в стальные тиски.

Макар зафиксировал храповик стопорным пальцем и в три прыжка очутился у завала. Упершись плечом в деформированную швеллерную балку, он выломал железо из бетонного паза, подхватил носилки на спину и взлетел по скользкому трапу в салон, бережно опустив раненого на пол.

— Все на борту! Отходи, командир, сейчас рванет компрессорная!

Огонь уже лизал стенки цистерн с топливом в тридцати метрах от нас. Прямой подъем вверх был закрыт.

Я стиснула ручку:

— Степаныч, приготовиться к сбросу!

— С ума сошла, Вася?! — ахнул бортмеханик.

Я полностью сбросила шаг винта, сняла тормоза и потянула ручку назад. Вертолет покатился кормой к обрыву и сорвался с площадки в черную пустоту.

Сердце упало в желудок от невесомости. Мы падали спиной вниз, прямо в ревущие гребни волн. В пяти метрах от бушующей черной воды я рванула ручку на себя и вдавила лопасти в предельный режим. Воздушная подушка под винтом спружинила, моторы взвыли на форсаже, и машина, выгнувшись у самой пены, свечой ушла в снежную мглу к берегу.

Глава 2

Мы шли на эшелоне девятьсот метров в сплошном молоке бурана. Ветер в спину разгонял скорость до двухсот сорока километров в час, но внутри машины разворачивалась битва за жизнь.

Из санитарного салона доносился свистящий хрип Алексея — парня с компрессорной. Перед взлетом я видела его обожженное лицо и посиневшие губы. Теперь смотреть назад было некогда: взгляд держался за приборы, а в наушниках шел другой, страшный отсчет.

— Давление падает! — крикнул Витя.

Макар отвечал коротко. В его голосе я слышала ту же собранность, с которой он держал трос на палубе. По переговорам понимала: он борется сразу с шоком и удушьем, а фельдшер подает инструменты и помогает дышать раненому.

— Еще держится, — наконец выдохнул Витя. — Кислород пошел вверх!

Я ослабила сведенную челюсть. Только бы довезти.

Макар шагнул в проем пилотской кабины. Он положил свою тяжелую, горячую ладонь прямо мне на плечо. Через ткань овчинного комбинезона я почувствовала это прикосновение — в нем было столько несокрушимой мужской силы, что сковавшее меня напряжение вдруг отпустило.

— Парень на тонкой нитке, Василиса, — негромко сказал он прямо мне в шлемофон. — Но он жив. Довези нас, командир.

Я оглянулась на секунду. В его серых глазах не было снисхождения начальника — он смотрел на меня как на равного боевого напарника, с безоговорочной верой.

— Довезу, Макар. Держи его.

И в этот миг педали под моими унтами дробно задрожали. Стрелка давления топлива левого двигателя ТВЗ-117 резко поползла влево, в желтый сектор. Обороты турбины просели, а температура газов полезла вверх!

— Левый голодает! — крикнул Степаныч. — Фильтр восемь-дэ-два забивает парафином! Тяга падает!

Вертолет повело влево. На одном моторе машина не удержала бы высоту над сопками.

— Правый — на чрезвычайный режим! — скомандовала я, парируя разворот правой педалью до хруста в колене. — Насос расходного бака на принудительную подкачку! Триммер руля — три деления вправо!

Я заставила правую турбину реветь на форсаже. Мы летели с креном в пять градусов, борясь за каждый метр высоты, дрожа всем корпусом от дикой вибрации.

И тут из салона донесся протяжный писк зуммера.

— Остановка сердца! — в панике закричал Витя.

Макар метнулся назад. В эту же секунду шторм ударил по вертолету. Машину швырнуло в глубокий крен, за спиной лязгнул металл.

— Стойка! — крикнул Степаныч.

Я увидела в боковом отражении, как Макар бросился поперек проема. Глухой удар, его сдавленный стон — и тяжелая стойка с кислородными баллонами замерла, прижатая к переборке. Он заслонил меня спиной.

Обе мои руки намертво держали управление. Я могла только слышать, как Макар, удерживая металл, командует Вите. Секунды тянулись одна мучительнее другой.

— Сердце пошло! — наконец выдохнул фельдшер.

Степаныч успел подхватить стойку и притянуть ее запасным ремнем.

Макар медленно сполз по переборке на пол, тяжело дыша. Его левая рука висела плетью, но губы сжались:

— Живой... Вася, сажай вертушку.

Впереди сквозь ледяную корку лобового стекла блеснули посадочные прожекторы аэродрома. Анна вывела дуговые лампы АПМ-90 на максимальный накал.

Я поймала створ полосы по приборам, держа глиссаду на перекошенной тяге правого мотора. Касание! Левое шасси заскользило по ледяному насту, но я тут же осадила машину отрицательным шагом винта и прижала тормоза. Ми-8 замер на осевой линии в пяти метрах от трех санитарных карет.

Винты замедлили бег. Двери распахнулись, врачи приняли носилки. Все трое буровиков были живы.

* * *

К четырем часам утра буран начал выдыхаться. Скорые ушли в сторону поселковой больницы. Вертолет стоял на дальней стоянке, остывая на тридцатидевятиградусном морозе. Металл обшивки тихо потрескивал.

Я спустилась по обледенелой стремянке. Ноги гудели свинцовой тяжестью, пальцы в перчатках занемели.

— Командир, постой минутку, — раздался из-под левой мотогондолы голос Степаныча.

Старый бортмеханик стоял под капотом левого двигателя, подставив под дренажную трубку жестяную банку.

— Глянь сюда, Василиса. Пока не замерзло окончательно. Тут дело с душком.

Я поднялась к нему на стремянку. Степаныч приоткрыл кран дренажа. Вместо прозрачного арктического керосина ТС-1 в банку медленно потекла густая белесая жижа, похожая на клейстер.

— Парафин, — процедила я сквозь зубы. — На морозе свернулся в хлопья и забил штору фильтра.

— Гайка стакана прикипела, на ветру не стронуть, — Степаныч постучал ключом по фланцу фильтра тонкой очистки восемь-дэ-два. — Грани сорвем. Надо в мастерскую идти, отогревать горелкой.

Мы сняли узел целиком, завернули холодный стакан в ветошь и бегом через сугробы бросились к слесарной мастерской третьего ангара.

В мастерской было тепло. Пахло веретенным маслом и сухими стружками. Степаныч зажал корпус фильтра в тиски и зажег газовую горелку. Тонкое синее пламя облизало резьбу. Через две минуты стакан поддался с сухим щелчком.

Степаныч осторожно вытянул сетчатый фильтроэлемент. Гофрированная металлическая сетка была наглухо забита плотными, бурыми комьями парафинового осадка с резким запахом серы и неочищенного конденсата.

— Вот она, наша асимметричная тяга, — Степаныч сплюнул на пол. — Это не арктический ТС-1. Керосин держит текучесть до минус шестидесяти. А эта дрянь встала колом при минус тридцати пяти прямо в воздухе. Багров залил в цистерны дешевый прямогонный конденсат с местных скважин! Разницу — в карман. Он нас на верную смерть отправил, Василиса!

Я достала из нагрудного кармана стеклянную колбу с притертой пробкой из бортовой аптечки и шпателем аккуратно соскребла треть осадка внутрь. Запечатала горлышко полоской липкой ленты и расписалась прямо по стыку: «Северова В.Н., борт 07, фильтр 8Д2, 04:15».

В этот момент дверь мастерской с грохотом распахнулась от удара ноги. На пороге стоял начальник охраны базы — в руке покачивался тяжелый фонарь, на поясе висела кобура.

— Так-так, — осклабился охранник, шаря лучом по верстаку. — Чего тут прячемся? Геннадий Петрович велел опечатать вертолет и изъять бортовой журнал! Что на столе?! А ну, сдай сюда!

Он шагнул вперед, протягивая руку к колбе.

Я мгновенно смахнула на пробу кусок ветоши, заслонив ее собой, и шагнула навстречу охраннику:

— На верстаке — регламентная чистка форсунки после штормового вылета. Бортовой журнал находится у командира судна до окончания послеполетного разбора. А вы находитесь в зоне ГСМ без защитной каски и с несертифицированным фонарем. Нарушение пожарной безопасности первой категории. Выйдите вон.

Охранник опешил от моего тона, но не уходил:

— Ты мне зубы не заговаривай, москвичка! Багров сказал — всё под замок! Показывай карманы!

Мы со Степанычем двинулись к выходу. Охранник пристроился следом, нагло светя Степанычу в спину.

Проходя мимо крайнего стола, я повела плечом, задев массивные тиски. Рукав моего комбинезона зацепил дужку стоящего на табурете двадцатилитрового ведра с черной отработкой дизельного масла. Ведро качнулось и с оглушительным звоном опрокинулось точно под ноги охраннику.

Густая смоляная жижа выплеснулась широкой волной, мгновенно залив его новенькие яловые унты и камуфляжные штаны до колен.

— Твою мать! — взвыл начальник охраны, поскальзываясь на масляной луже и едва не расшибая затылок о верстак. — Ты что творишь, дура слепая?!

— Ой, простите великодушно! — я всплеснула руками. — Под ноги надо смотреть в рабочей зоне, здесь не паркет! Степаныч, неси песок!

Охранник, осыпая нас бранью и пытаясь оттереть гибнущие унты, заковылял в сторону котельной. У нас появилось десять минут тишины.

Мы выскочили на перрон и поднялись в кабину Ми-8. Степаныч раскрыл бортовой журнал:

— Что писать будем, Вася? Черкнем про конденсат — Багров журнал сожжет, а фильтр с мотора подменит.

— Пиши нейтрально, Степаныч, — распорядилась я, раскрывая свой личный блокнот. — В казенном журнале фиксируй: «Плановая замена фильтроэлемента восемь-дэ-два по выработке штормового ресурса». А вот сюда, в мой журнал, заноси точные параметры: давление на входе ноль восемь, температуру, наличие парафиновой пробки. И распишись. Придет время — эта запись ляжет на стол прокурору.

Степаныч твердой рукой вывел запись и расписался.

Оставался вопрос: куда спрятать колбу? В моем служебном доме уже дважды рылись в вещах.

— Идем к балке, — шепнул Степаныч, пряча колбу за пазуху.

Мы подошли к белому хвосту вертолета. Возле промежуточного редуктора чернел небольшой лючок технологического обслуживания. Доступа сюда у базы не было — спецключ хранился только у старшего бортмеханика.

Степаныч отвернул потайные винты. Старик плотно замотал стеклянную колбу в войлочную изоляцию, вставил в полость между стрингерами и затянул стальным авиационным хомутом.

— Здесь не найдут, — глухо усмехнулся механик. — Сюда только я лазаю на пятисот-часовом регламенте. Пусть теперь Багров хоть всю базу перероет. Наша улика летает вместе с нами.

Он защелкнул замок лючка и устало посмотрел на меня:

— Ну что, командир. Пошли греться?

* * *

На востоке над ледяным горизонтом Карского моря светилась тонкая, бледно-сиреневая полоска северного сияния. Буран окончательно стих, оставив после себя двухметровые заструги чистого наста. Вертолет стоял на стоянке — зачехленный, гордый, остывающий победитель.

Я стояла у трапа, чувствуя, как адреналин уходит из крови, оставляя после себя дикую слабость. Колени подгибались. Руки, державшие штурвал на несимметричной тяге, мелко дрожали, и я спрятала их в карманы комбинезона.

Сзади по мерзлому снегу раздались тяжелые шаги.

На мои плечи опустилось тяжелое, пахнущее овчиной, морозом и терпким мужским теплом полотно. Огромный полушубок Макара укрыл меня почти до самых пят. Его сильные руки на мгновение легли поверх моих плеч, бережно сжав их через ткань, согревая застывшие ключицы.

Боль в поврежденной лопатке выдавала лишь легкая скованность движений, но стоял он прямо, как гранитная скала.

— Все трое стабильны, Василиса, — тихо произнес Макар прямо над моим ухом. В его голосе звенела глубокая теплота, от которой у меня перехватило дыхание. — Главврач передал: опоздай мы на десять минут — парня с ожогами не довезли бы. Ты сделала невозможное. Ни один мужик в нашем отряде не удержал бы борт над той горящей дырой.

Я повернулась к нему. В полумраке его серые глаза казались бесконечно глубокими. На скуле темнела свежая ссадина, но смотрел он на меня так, словно во всей этой бескрайней ледяной пустыне существовали только мы двое.

— Мы были экипажем, Макар, — тихо ответила я. — Ты закрыл меня от стойки. Если бы не ты — я бы не довела машину.

— Я защищал своего командира, — просто ответил он, и в этой простоте было больше правды, чем во всех клятвах мира.

Он бережно взял меня под локоть, не позволяя оступиться на скользком наста, и повел сквозь сугробы в сторону бревенчатого домика санбригады, чьи обледенелые окна встретили нас пока еще сонной, темной тишиной:

— А теперь — шагом марш в тепло. Растоплю буржуйку, заварю чай с брусничным листом и морошкой. Твои руки совсем ледяные, командир. Пора отогреться.

И я пошла за ним, впервые за долгие полгода изгнания чувствуя, что за моей спиной больше нет пустоты.

Глава 3

Перрон заполярной авиабазы встретил нас глухим, надсадным воем низовой метели. Белая позёмка змеилась по заиндевелому бетону, захлёстывая голенища унтов, но после ледяного ада над Карским морем этот колючий северный ветер казался почти ласковым.

Наш Ми-8 остался позади — громадная остывающая птица с обледеневшим брюхом, пахнувшая керосиновой гарью, перегретым маслом и выхлопом. Санитарные машины с синими маяками уже умчались в посёлок, увозя троих вырванных у смерти буровиков в реанимацию. А я стояла посреди заснеженного поля на скрипящем насте, и меня колотило мелкой, неуправляемой дрожью.

Холод пробивал до самых костей. Тело, несколько часов работавшее на запредельном адреналине, требовало передышки. Мокрый от пота лётный комбинезон под форменной курткой на тридцатиградусном морозе моментально схватился ледяной коркой, превратившись в жесткий, негибачеый панцирь. Коленные суставы онемели, а пальцы рук, намертво привыкшие к ребристой рукояти шага-газа и ручке циклического шага, свело болезненной судорогой. Я сделала шаг к модулю дежурки санбригады — и ноги подломились на обледенелой колее.

Сугроб у края рулѐжной дорожки качнулся навстречу, но упасть в снег мне не дали.

Тяжелая рука Макара подхватила меня под локоть, сгребая в охапку, прижав к своему правому боку и закрывая широкой спиной от порывов встречного ветра. Его полушубок, наброшенный на мои плечи ещё у вертолѐтного трапа, пах нагретой овчиной, морозной хвоей и йодом.

— Держись за меня, Василиса. Никакого геройства на земле, — его низкий, хриплый от усталости голос прозвучал у самого моего уха. — Шаг. Ещё шаг. Я держу. Ты не упадёшь.

Он буквально пробил своим мощным телом колею в полуметровом перемёте, поднимая меня на дощатое крыльцо модуля.

Дверь прихватило льдом; Макар коротким ударом кованого ботинка сбил замок, впуская нас в выстуженную дежурку. В комнате стоял сизый, промозглый полумрак. Настенные электрические конвекторы были мертвы — ночной шторм оборвал фазу поселковой электросети, и спиртовой термометр у косяка показывал сиротливые минус пять градусов.

— Сейчас согреемся, командир, — негромко бросил Макар, сгружая меня на широкий деревянный топчан у стены. — Печь живо растоплю. Настоящая жизнь здесь держится только на огне и дровах.

Он шагнул к чугунной печке-буржуйке в углу, распахнул дверцу и чиркнул спичкой. Но первая же охапка щепок обернулась бедой: дымовая заслонка намертво заклинила от вековой сажи и намерзшего конденсата. Густой, едкий березовый чад клубами ударил прямо в комнату, выедавая слезящиеся глаза. Я судорожно закашлялась, согнувшись пополам и пряча лицо в ладонях.

Макар действовал без суеты. Одним плавным, скупым движением он перехватил стоявший у поленницы топор и тяжелым обухом с размаху приложился по заклинившему шиберу дымохода. Корка льда лопнула, заслонка провернулась, и бешеная тяга со свистом загудела в трубе. Береста занялась в секунду, и чугунные бока печи стали стремительно наливаться малиновым жаром.

— Разувайся, Василѐк, — бросил он, поворачиваясь ко мне.

— Я сама... — прошептала я, но онемевшие пальцы не двигались: молнии унтов намертво заклинило намерзшей ледяной кашей из снега и керосина.

Макар молча опустился передо мной на колени прямо на некрашенный дощатый пол. Изогнутыми медицинскими ножницами он осторожно сколол лед с застёжек, стянул унты и содрал промокшие носки. Мои ступни были белыми, как парафин, и абсолютно бесчувственными.

Макар выругался сквозь зубы — тихо, глухо, но с такой яростной силой, что мороз за тонкими стеклами словно притих. Плеснув на ладони спирта, он сжал мои ледяные пальцы. Его руки пылали огнем. Он принялся растирать подошвы жестким шерстяным шарфом, возвращая жизнь омертвевшим тканям. Сначала пришла дикая, пронзительная боль — словно под кожу одновременно вонзились тысячи раскаленных иголок. Я закусила губу до крови, чтобы не застонать.

— Терпи, командир, — хрипло произнес он, не поднимая глаз, и его сильные пальцы методично разминали каждую связку, каждую косточку. — Боль — это жизнь. Боль означает, что сосуды открылись. Сейчас отпустит.

Резь сменилась пьянящим покалыванием, по венам хлынуло тепло. Я смотрела на его жесткие русые волосы с серебряной нитью на висках — и чувствовала, как рушится моя броня одиночества, выкованная в Москве.

Макар поднялся, пододвинул дощатый табурет и поставил передо мной большую жестяную кружку, от которой поднимался густой, духмяный пар.

— Пей. Мелкими глотками.

Я обхватила горячий металл дрожащими ладонями. Напиток был темно-рубиновым, почти черным. Первый глоток обжег гортань терпкостью брусники, сладостью меда, шиповником и согревающим ударом спирта. В груди разлилась истома.

— Мой рецепт, — улыбнулся он уголками губ. — Дикая брусника, корень родиолы, таежный мед и двадцать капель спирта. Полярный бальзам. А теперь говори, Василиса. Кто там, в сытой Москве, посмел сломать тебя так, что ты сбежала умирать на Карское море?

И плотину прорвало. Я рассказала всё: про замначальника управления Ковалёва, про аварийную посадку бизнес-джета под Тверью в жестокий ледяной дождь, когда я увела машину от жилых домов поселка ценой сломанных стоек шасси, и про то, как Ковалёв свалил вину на меня, вышвырнув из отряда с волчьим билетом ради спасения своего кресла и министерских амбиций.

Макар слушал молча, лишь желваки ходили на скулах, а пальцы сжимались в кулаки. Закончив, он тяжело поднялся подбросить дров и неловко повел левым плечом, сдавленно охнув от резкой боли.

— Стой. Сними свитер, — мой голос прозвучал властно и непреклонно.

Он нехотя стянул через голову тяжелый шерстяной свитер. Под тонким бельем на левой лопатке темнело мокрое пятно сукровицы. Когда он оголил спину, у меня перехватило дыхание: там расплылся черно-багровый отек с рваной раной от кислородной стойки, которой он прикрыл меня в кабине над торосами.

— И ты молчал?! — я схватила перекись и зажим с марлей.

Когда тампон коснулся раны, его мышцы натянулись струнами; Макар шумно выдохнул сквозь зубы. Я бережно промыла ссадину, щедро наложила синтомициновую эмульсию и зафиксировала пластырь, чувствуя подушечками пальцев жар его сильной кожи.

Макар повернул голову, глядя мне прямо в глаза:

— Ради тебя, командир, я бы принял на спину и весь этот вертолёт.

Печь гудела сыто, потрескивая берестой. Макар уложил меня на топчан, укрыл своим огромным овчинным тулупом, пахнущим дымом и домашним уютом, а сам сел рядом на табурет:

— Спи, командир. До подъема ни одна живая душа не посмеет потревожить твой покой. Я на часах.

Я закрыла глаза, и глубокий целебный сон накрыл меня в ту же секунду под мерный треск березовых поленьев.

* * *

Меня разбудил запах крепкого заваренного кофе и холодный свет фонаря с перрона, пробившийся сквозь оттаявший кругляш на двойном стекле. Часы показывали одиннадцать утра. Тело приятно ломило, но голова была кристально ясной, а пальцы снова твердо помнили моторику штурвала.

Через сорок минут служебный узик Макара тормозил у заснеженного крыльца Заполярной окружной больницы. Двухэтажное здание пахло свежим хлорамином, горячим хлебом из пищеблока и сосредоточенной госпитальной тишиной. В шлюзе реанимации дежурная медсестра монументального вида преградила нам путь:

— В ОРИТ посторонним вход категорически запрещен приказом администрации!

Макар молча раскрыл перед ее носом красную книжку служебного удостоверения:

— Она не посторонняя, Тамара Ивановна. Это капитан Северова, командир борта, спасающая этих парней с того света. Выдайте стерильные комплекты немедленно.

Строгость сестры мгновенно сменилась искренним благоговением:

— Василиса Николаевна? Проходите, родные, мы же за вас всю ночь молились, пока радио не передало, что вы сели на базе!

В коридоре навстречу нам метнулась мать парня — Елена Васильевна Егорова в накинутом на плечи пуховом платке. Увидев крылья на рукаве, она рухнула передо мной на колени, пытаясь целовать пальцы:

— Доченька... Алешка мой... единственный! Если б не твой вертолет в эту проклятую темень — в цинке бы привезли! Всю жизнь за тебя молиться буду!

Я испуганно опустила перед ней на колени, бережно поднимая за локти:

— Поднимитесь, пожалуйста, Елена Васильевна. Ваш Алёшка сам держался зубами за жизнь. Берегите его.

Слезы этой матери смыли всю грязь прошлых обид и доносов. Ради этой одной минуты стоило держать штурвал над ледяной бездной Карского моря.

Из ординаторской вышел главный врач Заполярной окружной больницы Аркадий Павлович Смирнов — сухощавый старик с профессорской седой бородкой и цепким взглядом из-под очков. В руке он сжимал факсовую ленту с красной полосой срочности:

— А вот и виновники ночного переполоха. Багров только что прислал экстренную депешу. Требуется зафиксировать «необоснованный риск экипажа при эвакуации».

Старик усмехнулся и с хрустом разорвал бумагу на четыре части, бросив в урну:

— Багров — кабинетный трус. Если бы вы не запустили сердце мальчишки в воздухе и не пробили метель за сорок минут, он был бы мертв прямо на буровой площадке от отека легких. Мой рапорт уже на столе у губернатора: ваши действия признаны безупречным профессиональным подвигом. Идите в третью палату. Вас там очень ждут.

В палате интенсивной терапии мерно шелестел кислородный концентратор. На кардиомониторе пульсировала четкая зеленая синусоида: пульс 76, ровный синусовый ритм, давление 115 на 75. Двадцатидвухлетний Алексей Егоров лежал под стерильной простыней, его лицо было покрыто влажными противоожоговыми салфетками. Услышав шаги, он с трудом повернул перебинтованную голову и коснулся моих пальцев обожженной рукой:

— Командир... Спасибо за небо. Я буду жить.

— Обязательно будешь, — твердо ответила я, сглатывая подступивший комочек в горле.

В соседней палате лежал старший мастер буровой платформы Михаил Петрович Прохоров с переломами ребер. Седой помор, материвший диспетчеров за «бабу за штурвалом», молча достал из-под подушки клык моржа, вырезанный в виде парящей птицы со спасательным крестом:

— Возьми, дочка. Мой дед-помор резал. Сорок лет он меня берег во льдах. А ночью ты вертушку на торосы положила, как гвоздь вбила. Прости старика за дурные слова. Не баба ты

за штурвалом. Ты — лётчик милостью божьей. Повесь «Чайку Севера» на колонку штурвала. Ты теперь нашей северной крови.

Я сжала гладкую желтоватую кость, хранящую тепло его ладони:

— Будет со мной, отец. До самого списания.

На выходе я осадила репортера одной фразой: «Хотите правды — пишите о буровиках, державших задвижку в огне. А мы выполнили свой полетный долг».

В машине Макар передал мне акт Минздрава с гербовой печатью: «Действия экипажа признаны единственно верными в условиях непреодолимой силы». Атака Багрова захлебнулась.

Глава 4

К двум часам дня Макар высадил меня у моего рубленого служебного пятистенка на краю поселка, за которым начиналась бесконечная тундра. Внутри стоял замогильный холод — поселковая подстанция сторела, автоматический дизельный котел «Протерм» отключился, антифриз в расширительном баке уже схватывался кристаллами. Еще час — и чугунные радиаторы разорвет льдом к чертовой матери.

Я кинулась в сарай к аварийному дизель-генератору, но шнур стартера вырвало из закончивших пальцев, содрав кожу на ладони до крови: масло превратилось в гудрон. Макар уехал за инструментами и топливом. Вскоре за забором взревел мотор, и во двор с заносом влетел уазик Макара. Он выскочил из кабины в тяжелой брезентовой робе, сгружая на снег канистры с арктическим керосином, ящик инструментов и мощную паяльную лампу.

— В сторону, Василиса! Сейчас мы эту железку согреем!

Десять минут он прогревал гудящим пламенем горелки поддон картера. Масло ожило. Но когда Макар рванул шнур, дизель лишь пару раз надсадно чихнул сизым дымом и заглох: жиклёр ТНВД намертво забило парафином из-за дрянной летней солярки.

— Дай сюда инструмент! — я решительно отстранила его от агрегата.

Достав из лётного планшета тонкую стальную струну, я за сорок секунд скрутила форсунку, на ощупь нашла микроскопическое отверстие распылителя и ювелирно вычистила плотную белесую пробку, промыв узел чистым керосином из канистры.

— Тяни стартер!

Макар с силой дернул рукоять. Дизель взревел, выбросил облачко копоти и мощно, ровно запел на рабочих оборотах. Через секунду в окнах дома вспыхнул спасительный электрический свет!

Макар ошарашенно посмотрел на генератор, потом на меня — измазанную сажей, со струной в зубах:

— Василиса... Да ты не просто пилот. Ты же бог механики!

— В полярной авиации белоручек не держат, доктор, — улыбнулась я. — Пошли спасать батареи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.